Накануне

Остановилось время на зимовку,
Вновь жизнь отправлена в анабиоз,
О будущем мечтать почти неловко,
Как в бедный дом вносить букет из роз.

Зимы альцгеймер и оцепененье,
Подъездов инсталляции в домах,
Снегов недвижимые наводненья,
Больничной асептичности размах.

Искусства бы сейчас и легких споров!
В наркозе пребывающий больной
Очнется скоро и под рев моторов
Шагнет с порога в мир совсем иной.

Судьба разгладит ловко заготовку
В кармане смятую. Как будто отлегло!
Земли проступит черная грунтовка
Сквозь воздуха разбитое стекло.

Как будто били здесь чечетку бойко,
И пели про смолистую тайгу
И где-нибудь, на вечной солнца стройке,
Вошли в высоковольтную дугу!

Зеленое и голубое

Проступает повсюду — зеленый,
Свеж, как чувство — неясен пока,
Почкой, тайной, землею спеленут —
Цвет сукна на столе игрока.

Крутит гонщик под солнцем педали,
Белый куст,
как на сцене,
молчит,
Словно люди вовек не страдали,
Мир проснувшийся
ангельски чист.

Дальше будут озера и горы,
Нас подхватит там цвет голубой,
В облаках не бывает опоры,
Неизвестно, что будет с тобой.

Треугольники темные елей,
Как печати темнеют вокруг,
В светлый лес их поставить успели
Канцелярии вечных наук.

Эта нежность начала лесного
И восторг после долгой зимы,
Я споткнусь, подбирая к ним слово,
Будто к чувству, что спрятали мы.

Летняя любовь

Лицо у лета — женское.
Вот точки,
Как ямочки у ягод на щеке,
Здесь крутятся
воробышки-листочки —
Березы ноги мыть
идут к реке.

Над озером,
с разбега,
наклонилась,
Заглядывая милому в глаза,
Любовно
изогнувшаяся ива,
Парить свободней,
кажется, нельзя.

Все женское —
цветенье и сережки,
Богатство — даже если ты не рад,
И сколько бы не взял —
всегда немножко,
И дождик летний —
вечно невпопад.

Но даже мокрым —
кажешься счастливым,
Ну что за прихоть —
летняя любовь?
Щека,
чуть перламутровая,
сливы
И птицей,
к небу вскинутая,
бровь.

Девочка в окне автобуса

Напомнила утро из детства:
Рассеянна, в меру красива...
Достаточно взять и одеться,
И сразу почувствуешь силы,

Привычку к обычному чуду,
К причудам диковинным взрослым,
Загадочно моешь посуду,
Киваешь подсолнухам рослым

И ягоды так собираешь,
Как рифмы — похожие очень,
Читаешь висящий в сарае
Блестящий паучий подстрочник.

Но главное все же не в этом,
Любимою дочкой природы,
Скользящим отмечена светом
Не в первой из жизней ты вроде...

Сто розовых опят

Весь лес теперь открылся.
С высоты
Глаз птицы оптикой выцеливает гриб,
Кричать,
дышать,
молчать без суеты,
Речного полотна исследуя изгиб.

Вода дамасской сталью холодна,
И гриб реликтовый — как сотни лет назад,
Бьет солнце рикошетом, и до дна
Во мне пронизывает вен холодный сад.

Измученной до счастья быть такой,
Уже почувствовав,
как время сдвинуть вспять,
Найти в коряге старой над рекой —
Как соплеменников — сто розовых опят.

Сезонный фактор

Межсезонье. Болтаешься между
Тем, что было и быть бы могло.
Так тепло вокруг. Сбросить одежду,
Мир пока еще не за стеклом.

Коридоры с бликующим светом,
Луч захлопнутый между страниц,
На все мысли наложено вето,
Мы остались среди единиц,

Тех, что будут упрямо купаться
И толкаться в прихожей для волн,
Так, как будто все время им двадцать —
Горизонт не идет под уклон.

В межсезонье как будто дороже
Обескровленной выси тепло.
Нас забыли здесь. Это возможно,
Залистали совсем. Повезло.

Соло зимнего ветра

Деревья нищие. Посвистывает ветер.
Не доведет зима прохожих до добра,
И все сады ее развесистые эти —
Химера белая. Недобрая пора.

Обманно-сладок
сон слетающих мгновений,
Считай снежинки...
Ты согреешься, уснешь,
Продрогший ветер,
заклинатель дуновений,
Дорогу змейками
закручивает сплошь.

Внутри себя я привыкаю жечь светило,
Ни с кем не связана, живу своим огнем,
Вот также птице зерен солнечных хватило,
Чтоб, встретив утро,
не замерзнуть позже днем.

Белое блюдо Севера

Стада каслают к побережью.
Петр Кожевников

Закрой глаза — гряда тысячелетья,
В другом откроешь — снова вдаль идут
Стада оленей. Их рога, как ветви
На самом белом из возможных блюд.

Краснеет солнце, как пастушьи лица,
И точкой птица над строкой висит.
Стада каслают. Тихая страница,
Лишь прутик треснет, будто динамит,

Ускорив ход бредущих к побережью,
Застывший пар лежит на замше шкур,
Лассо бросают пастухи небрежно,
Как будто крик. И мысль оленей: — Чур!..

Зима из Палеха

Зима из Палеха — белым-бела.
Дубы стоят, как парни в полушубках,
Мне кажется — всегда я там была
Боярыней, замерзшей не на шутку.

Попробуй пальцем белый этот лак,
Поверхность будто вся заиндевела,
Там кони, стайки лающих собак,
Где греет радость — холод не у дела.

Но выйти трудно, будто из стекла
Зимы шкатулка — времени обитель,
Слова в эфир отправить лишь смогла
Я словно первый радиолюбитель...

Монахини-тени на золотом фоне

Человек устает, худеет,
листочком становится ветхим,
Тонкие срезы тени разбрасывая на ходу,
И тень его вечно качается,
приколотая на ветках,
Вижу любовь и дружбу — как солнечную чехарду.

Впитывающие солнце,
будто листики-промокашки,
Тени сожмутся,
высохшие на акварели дней,
Куда же потом подаются
их серые души-монашки?
Сбиваются в тучи синие, делаясь все черней...

Последний снимок перед полетом

Девчонка, летчица в суровой гимнастерке,
Веснянка ранняя, похожа на мальчишку,
Крылом рисует, будто грифелем истертым,
О красоте и не задумываясь слишком.

Ворвется к Богу прямо с боя, нараспашку,
И расшумится у архангелов: — Примите!
Там бой внизу идет над лесом и над пашней,
Святые духи словно спрятались в зените.

...пробит аквариум кабины, вытекает
На землю только что зачерпнутое небо,
И тишина проникновенная такая,
Что слышно: в мире салютует почкой верба.

Глядя на тыкву

Навстречу солнцу потягушки —
И семядольки из земли
Ладошки тянут, как игрушки:
— На ручки, небушко, возьми!

Плетутся ввысь все вензелями,
В косичках желтый пышный бант,
И в сад глядят: — А нам нельзя ли
Цветочный выразить талант?

Высокомерны георгины,
И розы томные молчат,
Как грациозны их кузины,
Шипами тронут невзначай.

Приходит осень. Снова тыква
Из дома солнцем смотрит в сад.
— Цветы, теперь пожал-те вы к нам!
Но там лишь тени средь оград...

Брусничник на горелых сопках

Эти сопки печальны... Как будто
Катастрофа недавно была,
Но опять занимается утро
И брусника на них зацвела.

Два огня шли навстречу друг другу,
Но, столкнувшись, погасли, как страсть,
Сопки-лошади жмутся в испуге,
Все в одну — разноцветную масть.

Я стою божеством на вершине,
Тень времен в облаках подо мной,
С высоты все вполне разрешимо,
Что позволено нам Колымой.

Воздух гор разливается в теле,
Цвет брусники — румянец княжны...
Выжить здесь, на предгорьях, сумели
Те, кто, может быть, жить не должны.

Для того и нужны океаны...

Все, что кажется неизбежным,
Океан обесценит в полночь.
И натянется побережье,
Как тугая бурлачья помочь.

Константин Арбенин

Для того и нужны океаны,
Чтоб в итоге к чему-то прийти,
И, вдохнув терпкий воздух лимана,
Ни о чем здесь не думать почти.

Где-то в космосе, солнцем пригреты,
Эти массы зеленой воды,
Забежишь, как к соседу-поэту:
— Я о море пишу. Ну а ты?

Вольных волн его скучная прелесть:
Зацелуют, зашепчут, замрут,
Слов любых бесполезная ересь,
Словно шорохи пальм на ветру.

Имена его бывших торнадо,
Укротителей, мачо и проч...

Свежесть мокрых ракушек, что надо
Собирать вам, как звездочки в ночь.

Отель «Калифорния»

Есть двери такие
Толкни — и уже в грядущем,
Фанатки рвутся туда же,
плачущие,
в неглиже,
Стреляют в спину
иногда из толпы ревущей,
Вы пишете песни
в несуществующем гараже.

Всем хочется быть,
ощутить себя внутри песни,
Однажды отправившись,
уже не вернуться домой,
Входите, девушка!
Но все-таки только если
Отель «Калифорния»
расположен в тебе самой.

Как звук осязаем —
закрой глаза и коснешься,
В жилище стихотворения —
вещи, обломки нот,
А вот и ты уже
по трассе ночной несешься,
Так предсказуемо
не вписываясь в поворот.